

ученіе, могъ, признавая себя при этомъ чистымъ отъ всякаго грѣха, участвовать во всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ государствомъ, и пользоваться ими, если онъ только при этомъ исполняя вѣншія требованія своего исповѣданія, то теперь и всѣ люди, не вѣрящіе въ церковное христіанство, имѣютъ такую же твердую свѣтскую научную основу для признанія себя чистыми и даже высоко-нравственными людьми, не смотря на свое участие въ государственныхъ злодѣяніяхъ и пользование ими.

Живеть не въ одной Россіи, но гдѣ бы то ни было — во Франціи, Англіи, Германіи, Америкѣ — богатый землевладелецъ и за право, предоставляемое имъ людямъ, живущимъ на его землѣ, кормиться съ нея, сдираетъ съ этихъ, большею частью, голодныхъ людей все, что только онъ можетъ содрать съ нихъ. Право собственности на землю этого человѣка основывается на томъ, что при каждой попыткѣ угнетенныхъ людей безъ его согласія воспользоваться землями, которыми онъ считаетъ своими, приходятъ войска и подвергаютъ людей, захватывающихъ эти земли, истязаніямъ и убійствамъ. Казалось бы, очевидно, что человѣкъ, живущій такъ, есть злое и эгоистическое существо и никакъ не можетъ считать себя христіаниномъ или либеральнымъ человѣкомъ. Казалось бы очевиднымъ, что первое, что долженъ сдѣлать такой человѣкъ, если онъ хочетъ хоть сколько нибудь приблизиться къ христіанству или либерализму, состоитъ въ томъ, чтобы перестать грабить и губить людей, посредствомъ поддерживаемаго правительствомъ убійствами и истязаніями его права на землю. Но такъ бы это было, если бы не было метафизики лицемерія, которая говоритъ, что съ религіозной точки зрѣнія владѣніе или невладѣніе землей — безразлично для спасенія, а съ научной точки зрѣнія — то, что отказъ отъ владѣнія землей былъ бы бесполезнымъ личнымъ усиленіемъ и что содѣйствіе благу людей совершается не этимъ путемъ, а постепеннымъ измѣненіемъ вѣншихъ формъ. И вотъ этотъ человѣкъ, нисколько не смущаясь и не сомнѣваясь въ томъ, что ему повѣрятъ, устроивъ земледѣльческую выставку, общество трезвости или разославъ черезъ жену и дѣтей фуфайки и булѣонъ тремъ старухамъ, смѣло въ семьѣ, въ гостинныхъ, въ комитетахъ, печатно проповѣдуетъ евангельскую или гуманную любовь къ ближнему вообще и въ особенности къ тому рабочему земледѣльческому народу, который онъ, не переставая, мучаетъ и угнетаетъ. И люди, находящіяся въ томъ же положеніи, какъ и онъ, вѣрятъ ему, восхваляютъ его, и съ нимъ вмѣстѣ, съ важностью обсуждаютъ вопросы о томъ, какими бы еще мѣрами улучшить положеніе того рабочаго народа,

на ограбленіи котораго основана ихъ жизнь, придумывая для этого всѣ возможные средства, но только не то одно, безъ котораго невозможно никакое улучшеніе положенія народа, и именно то, чтобы перестать отнимать у этого народа необходимую ему для пропитанія землю.

Поразительнѣйшимъ примѣромъ такого лицемерія были заботы русскихъ землевладельцевъ во время послѣдняго года о борьбѣ съ голодомъ, который они то и прозавели и которымъ они тутъ же пользовались, продавая не только хлѣбъ по самой высокой цѣнѣ, но каргофельную ботву по 5 рублей за десятину на топливо мерзующимъ крестьянамъ.

Или живеть купецъ, вся торговля котораго, какъ и всякая торговля, основана на рядѣ мошенничествъ, посредствомъ которыхъ, пользуясь невѣжествомъ и нуждой людей, у нихъ покупаютъ предметы ниже ихъ стоимости и, пользуясь невѣжествомъ же, нуждой и соблазномъ, продаются назадъ выше стоимости. Казалось бы, очевидно, что человѣкъ, вся дѣятельность котораго основана на томъ, что на его же языкѣ называется мошенничествомъ, если только этъ же дѣла совершаются при другихъ условіяхъ, долженъ бы стыдиться своего положенія и никакъ уже не можетъ, продолжая быть кушомъ, выставлять себя христіаниномъ или либеральнымъ человѣкомъ. Но метафизика лицемерія говоритъ ему, что онъ можетъ слыть добродѣтельнымъ человѣкомъ, продолжая свою вредную дѣятельность : религіозному человѣку нужно только вѣрить, а либеральному нужно только содѣйствовать измѣненію вѣншихъ условій — прогрессу промышленности. И вотъ этотъ купецъ, (который часто кромѣ того совершаетъ еще и рядъ прямыхъ мошенничествъ, продавая дурное за хорошее, обвѣщиваетъ, обмѣриваетъ, или торгуетъ исключительно губящими жизнь народа предметами, — какъ вино, оніумъ), смѣло считаетъ себя и считается другимъ, если только онъ прямо не обманываетъ въ дѣлахъ своихъ совоаршей по обману, т. е. свою братью — кушцовъ, то считается образцомъ честности и добросовѣстности. Если же онъ истратитъ 0,001 изъ украденныхъ имъ денегъ на какое нибудь общественное учрежденіе : больницу, музей, учебное заведеніе, то его считаютъ еще и благотворителемъ того народа, на обманѣ и развращеніи котораго основано все его благосостояніе; если же онъ пожертвовалъ часть украденныхъ денегъ на церковь и бѣдныхъ, — то и примѣрнымъ христіаниномъ.

Или живеть фабрикантъ, доходъ котораго весь составляетъ изъ платы, отнятой у рабочихъ, и вся дѣятельность котораго основана на принудительномъ, неестественномъ трудѣ, губящемъ цѣлыя поколѣнія людей ; казалось бы, очевидно, что прежде